

ТО МОЖЕТ лучше рассказать о стране, чем ее дороги? Достаточно беглого взгляда на карту того или иного государства, чтобы представить себе степень его экономического развития. Одни опутаны густой паутиной, причудливым, но вместе с тем закономерным хитросплетением красных и черных линий: у других — только отдельные жилки, которые можно буквально перечесть по пальцам. Дороги — это артерии страны, ее кровеносные сосуды. По их состоянию можно судить о работе всего организма.

На дорожных перекрестках встречаешься с людьми. Дороги позволяют лучше понять страну, узнать, даже увидеть ее историю, сегодняшний день и, если хотите, заглянуть в будущее.

На карте Восточной Африки Кения занимает довольно обширную территорию. В южной части страны, поперек, словно худая длинная ящерица, тянутся шоссейная и железная дороги с небольшими ответвлениями в виде лапок. Рассказ о Кении мне хочется начать с дороги.

СТРАННАЯ МОНЕТА ПЕСА

Как-то на одном кенийском проселке, из тех, что обозначены только на крупномасштабных картах, я встретил женщин из племени масаи. Совсем незначительный эпизод, который должно было бы давным-давно забыть, если бы он не навел меня тогда на некоторые размышления.

Я ехал к озеру Магади, расположенному примерно в 65 километрах к югу от Найроби. Кения небогата полезными ископаемыми — возможно, некоторые районы еще просто мало исследованы. В Магади добывается сода, идущая на экспорт в целый ряд стран, в том числе в Советский Союз. Это крупное и хорошо организованное капиталистическое предприятие. У въезда на территорию висит предупреждающая надпись: «Частная собственность. Проезда нет. Каждый нарушивший будет строго преследоваться по закону». Предупреждение распространяется на все Магади с его необыкновенными, какими-то малиново-розовыми, прямо кисельными берегами.

Магади с Найроби связывает железная дорога, и поэтому ав-

КЕНИЙСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

0,4
180 r
фот 0,24

В. САВЕЛЬЕВ

томобильная — очень плохая. Это характерно для Кении, где издавна велась борьба между энтузиастами двигателя внутреннего сгорания и более могущественными сторонниками паровичков в лице железнодорожной корпорации «Ист-Африкэн рейлвейз», захватившей монополию на перевозки внутри страны еще на заре автомобилестроения. Одна из наиболее важных шоссейных дорог, связывающая столицу с портом Момбаса, через который осуществляются все основные экспортно-импортные операции, стала по-настоящему строиться только в середине 60-х годов. Раньше половина дороги была грунтовой: вулканическая пыль в сухой сезон, непролазное грязное месиво — в дождливый. Других сезонов в Кении не бывает.

Если такой была дорога в Момбасу, то о шоссе в Магади нечего было и говорить. Сода отправлялась поездами, а если кто-то из служащих компании пожелает провести уик-энд в Найроби, то почему бы ему и не потрястись на ухабах.

Путь в Магади лежит среди безлюдной саванны, зловеще угрюмой, с голыми каменистыми кряжками и клочьями пожелтевших, обгоревших под немилосердным солнцем кустов и травы. Нагромождения раскаленных скал, гряды гор с темными гребешками производят удручающее впечатление. Кажется, что где-то близко край света. Кругом ни души. С сожалением поглядываешь на спидометр, механически отсчитывающий все новые и новые километры от

удобного и чистенького Найроби, и даже начинаешь сомневаться, правильно ли едешь.

И вот на этой дороге навстречу мне из кустов вышло несколько масайских женщин с ребятами. Я остановился и спросил, далеко ли еще до Магади. Женщины не ответили, посмотрели на меня стеснительно и недоуменно. Я не знаю языка масаи, а женщины не умели говорить ни на каком другом. Я тоже виновато улыбнулся. И тут одна из них, постарше и порасторопнее, указывая на мою кинокамеру, спросила, почти потребовала: «Песа?..»

Я понял, что она не прочь позировать для съемки и хочет за это получить деньги. Видимо, не в первый раз ей приходилось иметь дело с этими странными белыми чужеземцами, для которых мочки ушей масайских женщин, оттянутые чуть ли не до самой груди тяжелыми железками в виде колокольчиков, их головы, бритые наголо или увенчанные причудливой прической, сделанной с помощью красной глины, их руки и босые ободренные ноги, плотно обмотанные блестящей проволокой, составляют предмет жгучего любопытства.

Меня же больше удивило другое: песа — что это за слово? Откуда взялось оно в языке примитивных скотоводов-кочевников, которые едва ли имели понятие о денежных отношениях до того, как пришли сюда европейцы? В Кении, да и во всей Восточной Африке ходят фунты, шиллинги и центы. Раньше, насколько мне известно, среди местных племен в ка-

честве денег использовались морские ракушки «каури», потом медные бусы.

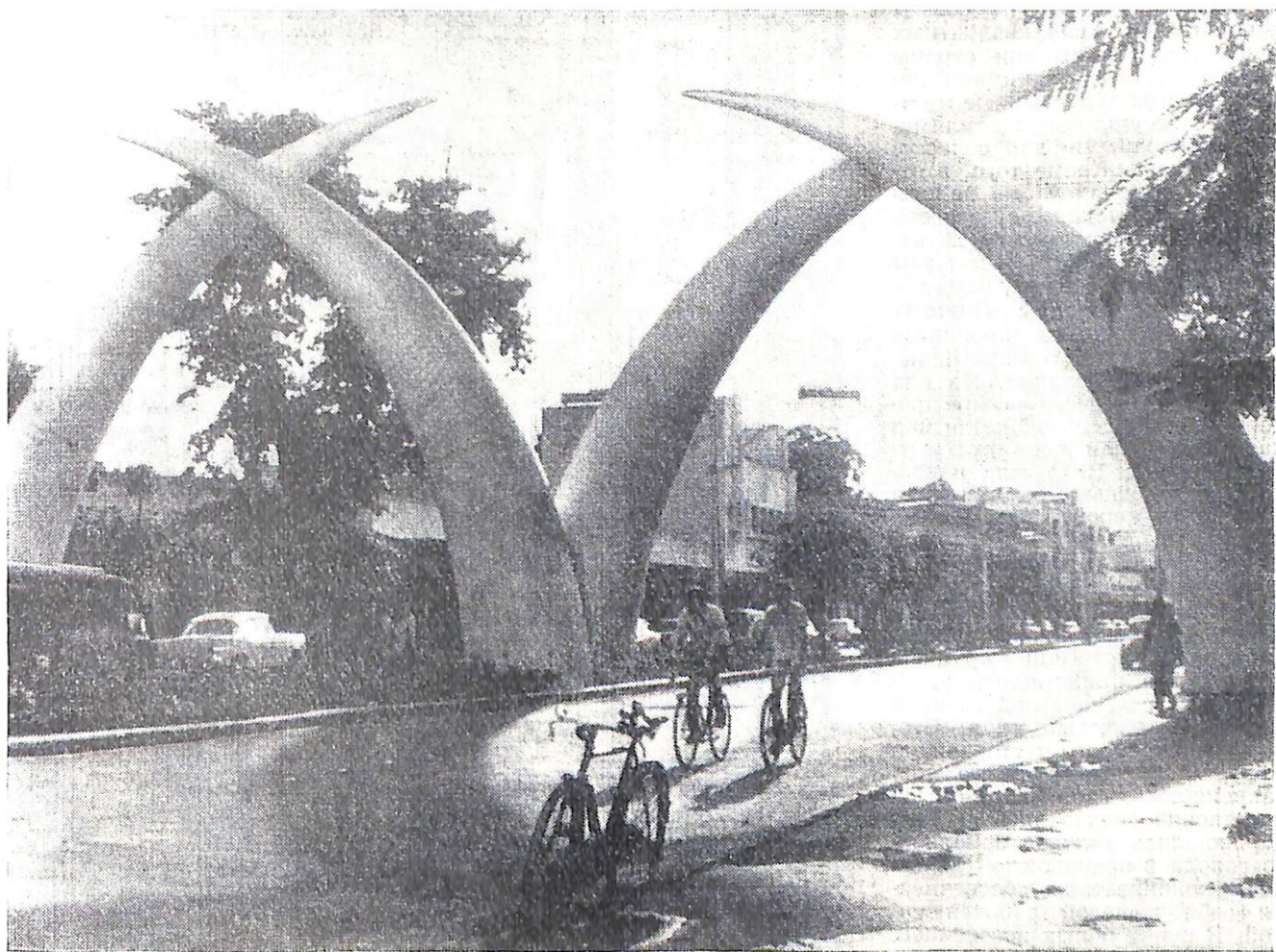
Позднее я узнал, что такое песа. Так называлась мелкая медная монета Компании Германской Восточной Африки, некогда захватившей соседнюю с Кенней территорию, впоследствии названную Танганьикой. В 1890—1893 годах песа чеканили для внутренних нужд. До-

ла выпустить сколько угодно своей доморощенной валюты, на любую необходимую сумму.

После первой мировой войны германские владения в Восточной Африке вместе с кочующим племенем масаи достались англичанам. Пришли новые порядки и новая валюта. Но среди масаев так и осталась жить эта маленькая монетка с двуглавым имперским орлом.

одеяло, сшитое из лоскутов, но большей частью на многие километры, насколько хватает глаз, тянутся плантации кофе, сизаля, пиретрума. На плантациях работают африканцы. Принадлежат плантации крупным европейским компаниям.

Над землей кикуйю высится снежная вершина горы, которая дала название всей стране. На их языке она называется Кере-

ходы компании по-прежнему не числились в немецких марках. Изобретение песа понадобилось для того, чтобы покупать у местных племен слоновую кость и другие «колоннальные» товары. Возможно, монеткой песа расплачивались и за черных невольников. Рабство на территории Танганьики было отменено только в 1922 году. В деньгах компания не чувствовала недостатка — при желании она мог-

ИЗУМРУДНАЯ ЗЕМЛЯ КИКУЙЮ

На север от Найроби идет широкая и гладкая двухполосная автострада. Всего километров на пятнадцать, до местечка Кахава, где в колоннальные времена располагалась английская военная база. За Кахавой дорога сужается в одну ленточку, уносящуюся в леса и изумрудные холмы земледельцев кикуйю. Кое-где земля похожа на

Алебастровая арка, имитирующая бивни слона, украшает Килинди-рууд — центральную магистраль Момбасы, крупнейшего порта Кении.

Фото ТАСС

Ньяга — «Гора ослепительно яркого света». По местным поверьям, на ней обитает языческий бог племени — Нгаи. Слово «Кения» — ни больше ни

Страусы — обитатели национального парка Цаво в Кении вместе с охраной «принимают участие» в строевой подготовке.

Фото ТАСС

меньше как английское искажение «Кере-Ньяга».

Часто говорят о богатстве и плодородии кенийской земли. На самом деле это не совсем так. Из 583 тысяч квадратных километров территории страны больше половины занимают пустынные и полупустынные местности с засушливыми землями, мало пригодными для сельского хозяйства. Кроме того, в отдельных районах часты налеты саранчи, уничтожающей посевы, в других свирепствует муха цеце, укусы которой вызывают массовый падеж скота, имеются заболоченные низины. Поэтому только тринадцать процентов всей земли считаются пригодными для использования. Из них возделывается всего четыре процента, остальные находятся под пастбищами или даже пустуют.

Начиная с 1902 года наиболее плодородные земли были захвачены европейскими колонистами и белыми переселенцами из Южной Африки. Они получили название «отчужденных» и «зарезервированных» земель. Первые были заняты под плантации или крупные фермы, где применялись удобрения, сельскохозяйственная техника и наемный труд. Вторые иногда просто пустовали, но африканцам селиться на них запрещалось. Таким образом искусственно создавались и поддерживались условия земельного голода в африканской деревне и колонизаторы обеспечивали себя дешевой рабочей силой. В руках белых поселенцев, которые не составляли и одного процента всего сельского населения страны, сосредоточилось около 1/5 самых плодородных земель.

У безземельных крестьян не было иного выхода, как наниматься в батраки. Но многие из них шли на заработки в город. Не имея никакой квалификации, они только пополняли армию безработных.

С годами безработица росла. Естественный прирост африканского населения и дробление крестьянских наделов на все более и более мелкие обостряли земельную проблему, особенно

в центральных районах страны, населенных кикую. Обстановка в «образцовой» колонии, как называли Кению англичане, накалялась.

Наконец даже колониальная администрация почувствовала необходимость принять какие-то компромиссные меры — разумеется, не в ущерб своим интересам. В 1946 году был разработан так называемый десятилетний план, известный под именем плана Роджера Свинертона, который в то время был главным инспектором по вопросам сельского хозяйства в Кении. Американец Ирвинг Кап-

лан в своем «Справочнике по Кении» дает следующую оценку этому плану: «Предпринятая в 1946 году попытка расселить африканцев на землях, которые не принадлежали европейцам и ранее не были освоены, оказалась безрезультатной, и вопрос о европейском землевладении, особенно в районах, «похищенных» у кикую, стал решающим в восстании «мау-мау».

После провозглашения политической независимости одна из улиц Найроби, раньше носившая имя английского губернатора Гардинга, была переименована в улицу Кимати. О Дидане

Кимати стоит сказать несколько слов.

Кимати — удивительный человек. Он сочинял стихи и еще будучи мальчиком ставил в тупик односельчан вопросом: «А что, если реки потекут вспять, к своим истокам?».

Окрестности горы Кере-Ньяга и леса Абердэр помнят этого человека, витязя в леопардовой шкуре, которую он не снимал с себя по полгода в партизанском отряде. Кимати был верен мечте. В детстве он хотел повернуть течение рек, взрослый он понял, что это должно означать для кикуйю: вернуть «отчужденную» землю. Кимати возглавил борьбу за землю, из-

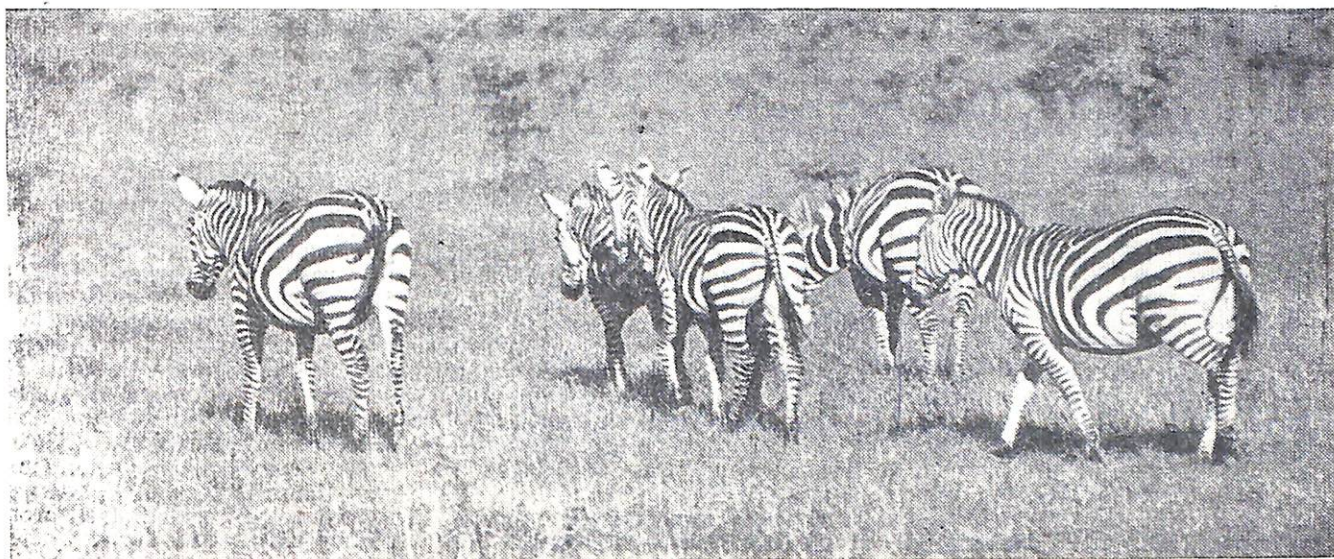
вестную как движение «мау-мау».

Это было в 1952—1956 годах. Самодельные ружья со стволами, кое-как выпиленными из старой велосипедной рамы, взрывались у африканцев в руках. Тем не менее все больше кикуйю собиралось по ночам у подножья священной горы, принося торжественную клятву сражаться до победы.

Англичанин Гендерсон, командир карательного отряда специального назначения, в книге «Охота за Кимати» подробно и откровенно описал, как в борьбе против партизан использовались бомбардировщики, пулеметы и предательство. Когда

движение было подавлено, Кимати один еще долго скрывался в лесах. Вокруг его родной деревни был вырыт глубокий ров, охраняемый днем и ночью. Каратели знали, что рано или поздно Кимати должен появиться в округе. И они не ошиблись. Однажды ранним утром Кимати переползал ров и получил пулю в бедро. Стрелял его же соплеменник, полицейский-кикуйю. И все-таки Кимати ушел. Обнаружили его только через два дня, изнеможенного, почти без сознания. По приговору трибунала Кимати был повешен.

А теперь имя Кимати носит одна из центральных улиц Найроби...

Восточная Африка — одно из немногих мест в мире, где сохранились редкие экземпляры зверей, обитающих в естественных условиях. Особенно знаменита животным миром Кения. В этой стране 20 заповедников, площадь которых — около четырех тысяч квадратных миль. Национальный парк-заповедник находится в шести километрах от Найроби. Здесь обитает примерно 14 тысяч животных около 40 видов. «Господь бог много потрудился над их раскраской», — шутят местные гиды, указывая на зебр.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

Эти полицейские охраняют национальный парк-заповедник в Найроби.

Фото ТАСС

ДОРОГА НА ЗАПАД

Основная артерия экономики Кении тянется с востока на запад и проходит по всей стране, от побережья Индийского океана до границы с Угандой. Дорога поднимается вверх от развалин португальской крепости Форт-Иисус и кокосовых рощ Момбасы к субтропической саванне, к пастбищам так называемого Белого нагорья, к уходящим до самого горизонта плантациям чая лондонской компании «Брук Бонд» и дальше, в район Элдорета, где, на высоте более трех километров над уровнем моря, местность напоминает нашу среднюю полосу в летний период: еловые перелески чередуются с полями пшеницы.

По дороге из Момбасы в Найроби полпути занимает заповедник Цаво — край материализовавшейся гигантомании. Здесь все «самое-самое». Сам заповедник, крупнейший в Кении, раскинулся на площади в два миллиона гектаров. Гигантские слоны, фантастически огромные баобабы и, наконец, в хорошую погоду из Цаво видна снежная седловина Килиманджаро — самой высокой горы в Африке. В Цаво чувствуешь себя на другой планете, лилипутом. Вот вот из-за громоздкого кряжа выйдет чернокожий Гулливер и случайно раздавит машину. Здесь множество птиц. Цесарок, например, можно бить из рогатки.

Озеро Найваша. Изобилие рыбы, диких уток. В зарослях папируса, пробужденные гулом моторной лодки, ворочаются многотонные туши гиппопотамов. На небольших живописных островках белеют таблички «Частная собственность», уже знакомые по озеру Магади. Разница только в том, что острова принадлежат не компаниям, а просто отдельным лицам, проявляющим в порядке личной инициативы заботу об охране природы.

Той же «заботой» можно, видимо, объяснить и обнесение колючей проволокой многих сотен, даже тысяч гектаров земель на северо-запад от Найроби.

В первый год после независимости проводились определенные мероприятия по расселению африканцев на бывших «отчужденных» землях. По официальным данным, 24 тысячи крестьян получили небольшие наделы и 750 крупных ферм

перешли к африканцам, в ряде случаев на кооперативных началах. Бывшие владельцы «отчужденных» земель получили соответствующую компенсацию от правительства. Средства поступали из Англии в виде займов.

Но уже с 1965 года правительство делает основной упор на освоение новых земель, ранее не использовавшихся в сельском хозяйстве. Эта линия, как не раз отмечалось в прессе, во многом напоминает бывший план Свиннертона. Любопытно, что как раз в 1965 году в Найроби открылось новое отделение Международного банка реконструкции и развития. При нем была организована специальная «служба сельскохозяйственного развития», которую возглавили бывшие коллеги Свиннертона по колониальной администрации.

Время от времени в стране вспыхивают стихийные волнения. В апреле — мае 1968 года в кенийской прессе одно за другим появились сообщения об убийстве трех белых фермеров в районе «отчужденных» земель Китале. 28 мая генеральный прокурор Кении Иджонджо заявил, что «беспорядки не носят политического характера». Тем не менее многие обратили внимание на то, что убийствам не сопутствовали ограбления, и среди европейских поселенцев пополз слух о возрождении «мау-мау».

Осенью того же года при загадочных обстоятельствах в Найроби погиб бывший помощник суперинтенданта колониальной полиции Р. Маклахэн. Газета «Дейли нейшн» назвала его «одним из главных людей в охоте на Дидана Кимати».

Случай самочинного захвата земли крестьянами — не редкость для сегодняшней Кении.

С ростом безработицы растет и преступность в стране. Городской судья Найроби Дж. МакКриди заявил, что в 1969 году в столице ежедневно совершалось не менее одной кражи со взломом. За год было зарегистрировано 400 грабежей. В этом году только за январь — февраль в суде разбиралось 60 таких случаев.

Выступая на митингах в различных частях страны, министры кенийского правительства строго предупреждают народ против «ночных сборищ», сбора средств на «подрывную деятельность».

Дорога, которой Кения идет в настоящее время, приводит к парадоксальному тупику: страна, нуждающаяся во всемерном развитии экономики, не может найти применения своей рабочей силе. Где же выход?

За последнее время Кения привлекает все более пристальное внимание западных держав. Кроме англичан, имеющих здесь «традиционные» связи, растет влияние США и ФРГ. В Кении находится около трех тысяч американцев: «корпус мира», миссионеры, представители фондов Форда и Рокфеллера, бизнесмены и эксперты. Ежегодно растет число американских туристов. В 1963 году их было около 10 тысяч, в 1967-м — 24 168, а в этом году цифра, видимо, перевалит за 30 тысяч.

В ФРГ за последнее время вышел целый ряд монументальных — по крайней мере, по объему — работ, в которых даются всякие советы относительно будущего Кении. Среди них заслуживает внимания книга Ганса Рутенберга «Политика развития африканских аграрных хозяйств в Кении в 1952—1965 годах». Автор не отрицает проблемы земельного голода и роста безработицы в стране. Что же он предлагает Кении? Ни больше ни меньше как стать поставщиком рабочей силы для соседних государств — Танзании, Уганды и в особенности для Конго (Киншаса). Может, действительно кенийцам стоит последовать этому совету?

КТО КОНТРОЛИРУЕТ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ?

В августе 1968 года в западной прессе появилась реклама новой книги «Кто контролирует промышленность Кении?».

История книги такова. В июле 1965 года Национальный христианский совет Кении созвал конференцию для обсуждения вопроса о господстве иностранного капитала в стране. В результате обсуждения была создана рабочая группа в составе 40 человек для более подробного изучения этой проблемы. За полтора года группа провела 30 заседаний, материалы которых и вошли в книгу, рассказывающую о монополизации экономики страны 26 иностранными компаниями.

Английский еженедельник «Коммент» охарактеризовал эту

книгу как «самый примечательный обзор, в котором изложена ясная картина, отражающая состояние всей экономики Кении». Журнал отмечает, что из 325 миллионов фунтов стерлингов — суммы капиталовложений, намеченных по плану развития на 1966—1970 годы, не менее 180 миллионов должны были поступить из частных

видимо, расширяется. Это ярко свидетельствует о наличии небольшой африканской политической и бюрократической элиты, которая постепенно объединяется с коммерческой элитой, создавая верхушку общественно-политической и экономической элиты, в то время как большинство африканцев беспомощно влачит жалкое существование».

мышленность Кении?» указано, например, что среди 50 директоров крупнейших компаний африканцев только четверо.

Если до 12 декабря 1963 года для всех патристически на-

В центре Найроби — столицы Кении.

Фото ТАСС

источников, главным образом из-за границы.

«В экономическом и политическом положении страны, — пишет «Коммент», — безусловно, многое вызывает серьезное недовольство. В экономике под маской «африканского социализма» господствуют в основном иностранные вкладчики капитала, растущие африканские капиталистические объединения и местная элита, которая сотрудничает с теми и другими. 42 тысячи европейцев и многие из 180 тысяч азиатов, занимающихся активной деятельностью в области торговли, все еще эксплуатируют приблизительно 10 миллионов африканцев».

Та же мысль была высказана на одном из заседаний конференции Национального христианского совета Кении: «Пропасть между классами, или между имущими и неимущими,

В феврале нынешнего года министр экономического планирования и развития Кении Онъенка, выступая на семинаре африканских бизнесменов, отметил, что среди них начинают появляться богатеи, которые с презрением смотрят на народ; обращаются к простому африканцу: «Ве ве пунда!» («Эй ты, осел!»). «Даже детей своих отдают в особые школы — не те, в которых учатся африканцы», — заявил министр.

Политика африканизации, то есть замены на ответственных постах лиц европейского и индо-пакистанского происхождения африканцами, ускоряет развитие классового расслоения внутри африканского общества. Африканизация (или кенизация) способствует росту средней буржуазии и почти не затрагивает интересы крупного капитала. В книге «Кто контролирует про-

строенных сил — рабочего класса, крестьянства, нарождающейся местной буржуазии — и даже для полуфеодалных элементов существовала одна общая цель: борьба за политическую независимость, против колониального господства, то в настоящее время в Кении все острее становится внутривнутриполитическая борьба, в которой, кроме столкновения интересов классов и отдельных социальных группировок, чувствуются проявления трайболизма.

ДВА МИЛЛИОНА И ДВА ПРОРОКА

Передо мной на столе две вырезки из кенийской газеты «Ист-Африкан стандарт». Два заголовка, набранные одинаково крупным шрифтом. В каждом из них речь идет о миллионе ке-

нийских фунтов, только в одном случае это «слишком много», а в другом — «слишком мало»:

«ОДИН МИЛЛИОН ПЕРЕРАСХОДА ДВЕНАДЦАТИ МИНИСТЕРСТВ КЕНИИ — СЛИШКОМ МНОГО».

«ОДИН МИЛЛИОН — СЛИШКОМ МАЛО НА ОРОШЕНИЕ».— ГОВОРИТ МИНИСТР».

Оба заголовка появились почти одновременно, в середине февраля нынешнего года, когда сессия кенийского парламента обсуждала вопрос о расходах в 1968/69 финансовом году и новый пятилетний план на 1970—1974 годы.

В первом случае газета обратила внимание на непомерно растущие расходы по содержанию административного аппарата. В предыдущем финансовом году перерасход по этой статье составлял 137 тысяч фунтов, а за год вырос до миллиона.

Во втором случае обсуждался вопрос об ассигнованиях миллиона фунтов на строительство ирригационных систем по новому пятилетнему плану. Выступая в парламенте, министр сельского хозяйства Кении заявил, что этой суммы недостаточно даже для того, чтобы «царапать по поверхности земли». По его подсчетам, на эти цели в ближайшие пять-шесть лет потребовалось бы 10—12 миллионов кенийских фунтов.

«Ист-Африкэн стандарт» не делает никаких выводов. Просто дает сухие репортерские строчки отчета из зала заседаний парламента. Да эти сообщения едва ли и нуждаются в комментариях.

Английская «Файнэншл таймс» называет новый пятилетний план Кении «хорошо сбалансированным». Фразы о хорошо сбалансированном плане, бюджете часто мелькают и в кенийской прессе. «Что значит сбалансированный бюджет для человека с голодным желудком или для тех, кто не имеет крова над головой?» — такой вопрос задал на сессии депутат Ванжиги. И не случайно. По словам Ванжиги, к 1980 году перед Кенией встанет проблема, что делать с трудоустройством миллионов выпускников начальной и средней школы.

«Одной из краткосрочных мер по борьбе с безработицей было бы введение нового трехстороннего договора», — заявил Ванжиги, имея в виду заключенный в 1964 году договор сроком на год между правительством, Кенийской федерацией труда и федерацией кенийских предпринимателей о трудоустройстве 40—50 тысяч безработных. О масштабах этого эксперимента и его эффективности можно судить по тому, что в начале 1964 года армия кенийских безработных составляла свыше 200 тысяч человек, а в договоре речь шла всего об 1/4 или 1/5 из них. И тем не менее через пять лет в парламенте страны раздаются голоса, ратующие хотя бы за такую «краткосрочную» меру. Безработица продолжает расти.

В статье «Кения через десять лет» картину будущего страны изображает известный кенийский обозреватель англичанин Джек Энсолл. «Что ожидает простого кенийца в конце теку-

щего десятилетия? — спрашивает он и сам отвечает. — К концу нынешнего десятилетия безработица будет главной проблемой в Кении».

Начало нового десятилетия возбудило воображение различных пророков, чьи рассуждения, теоретические и интуитивные выкладки, порой взятые с потолка, а иногда — весьма реалистические, облаченные в печатную форму, дали некоторым кенийцам почву для размышления. Они дошли не до всех — большинство населения страны все еще неграмотно. Тем не менее эти пророчества заслуживают определенного внимания.

Садрудин — вполне интеллигентный шаман. Он не облачается в шкуры и маски, не бьет в бубен. На нем современный костюм, белая сорочка, воротничок подвязан элегантной бабочкой, из нагрудного кармана торчит треугольник платочка. На полном лице очки в дорогой оправе: Садрудин — человек пера. Его «сложная» профессия — астролог. Среди прочих «пророчеств» Садрудин вещает, что в Кении в ближайшие годы «проблемы трудоустройства будут опять значительными».

...Как и в любой другой стране, в Кении есть дороги длинные и короткие. Есть дороги, построенные крупными иностранными концернами еще в колониальные времена, и маленькие проселки, проложенные крестьянами по программам самопомощи, на собранные в деревне шиллинги, но главным образом — не за деньги, а своим собственным трудом. У кенийских дорог ветер раскачивает широкий банановый лист. Изпод тростниковых конусных крыш, словно из-под мохнатых горских шапок, выглядывают глинобитные хижины. Бесшабашные босоногие мальчишки, завидев легковую машину, мчатся вприпрыжку к обочине дороги с крупными грушами, ревенем, сельдереем, кроликами и шампиньонами в плетеных корзинках. Мальчишки кричат наперебой: «Купите, сэр, очень дешево сегодня!».

Они не умеют читать, не знают ни Садрудина, ни Энсолла, не знают, что депутат кенийского парламента Ванжиги думает о будущем кенийских школьников. Многие из них не знают даже, что такое школа. Они узнают все, когда подрастут, и внесут в прогнозы свои коррективы.

0,01

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

Министр экономического планирования и развития Оньянка сообщил, что прирост продукции в стране в 1969 году составил 6 процентов вместо запланированных 6,5 процента. Численность населения увеличилась на 3,3 процента вместо предполагаемых трех процентов. Из 180 тысяч азиатов (индийцев и пакистанцев), живущих в Кении, около 40 процентов являются городскими жителями. Правительство, отметил министр, озабочено медленными темпами экономического роста, безработицей, проблемами африканизации торговли и будущим азиатов-кенийцев, обитающих в сельской местности.